

TRANSFORMATION OF UNIVERSITY EDUCATION WITH BUSINESS IN MODERN CONDITIONS

Ravshan Mardonov

Candidate of philosophical sciences,
Associate Professor of the Department of Social
Humanities of Samarkand
branch of Tashkent University
information technologies

Annotation: In the article, based on the study of special literature on university education, sources and empirical observations, modern problems of the transformation of university education in his relationship with business are considered. The main directions and prospects of this process are analyzed. Modern universities are increasingly losing their uniqueness, which they have been characterized for centuries, and gain more and more similarities with other large organizations.

Key words: university education, globalization, institutional autonomy, academic mobility, Bologna declaration, transformation with business, university models.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ С БИЗНЕСОМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Равшан Мардонов

Кандидат философских наук, доцент
Кафедры гуманитарных и социальных наук
Самаркандского филиала Ташкентского университета
информационных технологий

Аннотация: В статье на основе изучения специальной литературы по университетскому образованию, источников и эмпирических наблюдений рассматриваются современные проблемы трансформация университетского образования в его отношениях с бизнесом. Анализируются основные направления и перспективы этого процесса. Современные университеты все в большей степени теряют свою уникальность, которой они характеризовались на протяжении столетий, и обретают все большее сходство с другими большими организациями.

Ключевые слова: университетское образование, глобализация, институциональная автономия, академическая мобильность, Болонская декларация, трансформация с бизнесом, модели университетов.

В современных условиях важнейшим направлением в развитии современных университетов является трансформация их отношений с бизнесом. В условиях интенсивного развития «экономики знаний», знаменующей собой новый этап развития постиндустриальной экономики, базирующейся на инновациях и предполагающей превращение знания в основную движущую силу развития общества, проблема взаимовыгодного сотрудничества университетов бизнеса заметно актуализируется. Не случайно все большую популярность приобретают различные интерпретации феномена, нашедшего свое отражение в концепциях «национальных инновационных систем» [1], «нового способа производства знаний» [2], «предпринимательского университета» [3], «модели тройной спирали» [4] и др. Эти концепции постепенно привели к формированию идеи о «третьей миссии» университетов – наряду с обучением и научными исследованиями включение в жизнь сообщества посредством передачи технологий, междисциплинарности, участия в региональном развитии и, наконец, подготовки выпускников к вхождению на рынок труда.

Прежде всего, в центре внимания должно находиться повышение уровня человеческого капитала с учетом потребностей рынка труда и конкурентной ситуации с занятостью. Затраты на образование и профессиональное обучение являются вложением в благосостояние общества, поскольку таким образом обеспечивается повышение способности молодого человека зарабатывать в будущем. Представляется, что взаимосвязь между университетским образованием и профессиональной карьерой имеет смысл рассматривать с разных точек зрения. Во-первых, заслуживает внимания выявление соотношения между субъективными факторами успеха (т.е. зависящими от самого человека) и объективными условиями той среды, в которой он формируется и функционирует как личность и как профессионал. В этом случае на первый план выходит анализ социально-классового и культурного происхождения выпускника, качество получаемого им образования, включая методы преподавания, организационную культуру конкретного вуза, степень его практикоориентированности, уровень освоенных компетенций и т.п., а также такие параметры, напрямую связанные с его профессиональной деятельностью, как характеристики работы, связанные с ней межличностные отношения, рынки труда, новые формы работы и организации трудовой деятельности.

В результате к факторам карьерного роста будут относиться:

- степень удовлетворенности работой;
- соответствие между имеющимися у выпускника и требуемыми компетентностями;
- возможности карьерного роста;

- гарантии сохранения работы;
- степень самостоятельности в решении профессиональных задач;
- соотношение рабочего и свободного времени.

К факторам влияния:

- предшествующий образовательный опыт;
- тип обучения;
- характеристики программы;
- методы преподавания;
- поведенческие характеристики выпускника в период его обучения;
- территориальная мобильность и опыт работы во время и после обучения;
- характер работы и личностные качества работодателя.

Во-вторых, на приращение человеческого капитала в результате получения университетского образования целесообразно посмотреть и с точки зрения повышения конкурентоспособности молодого человека на рынке труда, успешности его вхождения в мир профессий. Здесь важно понять, каким образом работодатель оценивает способности, умения и навыки выпускника, методы рекрутирования выпускников, репутацию конкретного университета в бизнес-сообществе, привлечение на работу выпускников зарубежных вузов и те основные вызовы, с которыми сталкиваются работодатели, принимая на работу выпускников университетов, не имеющих опыта соответствующей профессиональной деятельности. В этом плане основным становится сотрудничество работодателей и вузов уже на стадии разработки учебных планов, программ по конкретным курсам, в первую очередь тем, которые имеют практическую направленность, планирования и организации практик.

При этом принципиально важно, на наш взгляд, четко осознавать реально существующие различия в потенциале взаимодействия между вузами и рынком труда в зависимости от сферы будущей деятельности выпускников. Для этого в первую очередь необходимо учитывать следующие линии разделения:

1. Кто является работодателем – бизнес или государство?
2. Если основным работодателем является бизнес, то именно его представители должны играть решающую роль в определении содержания и форм обучения.
3. Если в качестве работодателя выступает государство, то необходимо понимать, идет ли речь о практикоориентированной деятельности (учитель, врач, социальный работник) или об академической карьере.
4. В случае, когда идет подготовка специалистов для государственных учреждений (в сфере образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты и т.п.), то именно их представители должны определять профессиональные стандарты вузовской подготовки.
5. Если же речь идет о воспроизводстве научно-педагогических кадров для самой системы высшего образования, а также для фундаментальной науки, которая в рамках российской системы по большей части остается на

финансировании государства – в этом случае непосредственными работодателями выступают сами вузы или научно-исследовательские институты.

Вторым направлением сотрудничества университетов и бизнеса является формирование в процессе обучения и воспитания в высшей школе предпринимательских качеств студентов, их готовности к самозанятости, инновационному поведению и способности вне зависимости от избранного пути демонстрировать мужество и любознательность, адекватные тем вызовам, с которыми они неминуемо столкнутся во «взрослой» жизни. Иначе говоря, речь идет не только о предпринимательстве в прямом смысле этого слова, т.е. о разработке, внедрении и успешном развитии собственного коммерческого или социального проекта, но и способности и готовности внести инновационное начало в деятельность тех организаций, в которых они будут работать. Как справедливо подчеркивал Й. Шумпетер, предприниматель – это человек, пытающийся превратить новую идею или изобретение в успешную инновацию. [5]

Третье направление сотрудничества между вузами и бизнесом должно способствовать обмену знаниями, направленному, с одной стороны, на постоянное обновление содержания учебного процесса с целью его максимального приближения к реалиям производства материальных и духовных благ в обществе, создание нового научного продукта, востребованного современной экономикой, с другой – на внедрение в сам процесс обучения инноваций, формирующих основы того, что в условиях господства ИКТ может быть названо «новой педагогикой высшей школы».

В связи с этим все более актуализируется задача превращения традиционного, классического университета в университет предпринимательский. В то же время в современной образовательной практике нет единого понимания этого термина, соответственно, разнится и отношение к нему со стороны специалистов в сфере высшего образования.

Среди множества работ, посвященных проблеме позиционирования университетов в современных условиях, особо хотелось бы выделить точку зрения американских исследователей Голдена Торпа и Бака Голдстейна, авторов книги «Моторы инновации: предпринимательский университет в XXI веке». [6]

В первую очередь они стремятся ответить на вопрос, чем предпринимательский университет не является.

Во-первых, это не коммерческая школа, призванная научить студентов тому, как начинать собственный бизнес или осуществлять управление коммерческой деятельностью. Практические указания, онлайн-тренинги и семинары оказывают большую практическую помощь тем, кто собирается заниматься собственным бизнесом, однако для этого нет необходимости в деятельности серьезных исследовательских университетов.

Во-вторых, предпринимательский университет не перенимает у мира бизнеса в полной мере присущие ему методы и ценности. В качестве моторов

инновации в университетах, представляющих собой уникальные центры образования, чьи традиции формировались веками, могут и должны выступать их собственные традиции и ценности, производные от той культурной позиции, которая является для них естественной.

В-третьих, предпринимательский университет не является «сборочной линией» по созданию новых компаний. Конечно, глубокие практикоориентированные научные исследования сложнейших проблем неизбежно приводят к созданию потенциально высокоэффективных предприятий. Но большая часть такого рода работы должна проходить вне академических стен в рамках той структуры и культуры, которые лучше соответствуют повседневным требованиям стартапов.

Наконец, предпринимательские университеты не представляют собой агентств по экономическому развитию. Мало кто из представителей университетского сообщества являются специалистами по созданию новых видов промышленности, формированию технологических хабов или модернизации уже существующих. Это не означает, что инновации, разрабатываемые в исследовательских университетах, не ведут к экономическому развитию в форме новых индустрий и изменению представлений о старых, особенно если подобного рода инновации основываются на глубоких, комплексных взаимоотношениях с частным бизнесом, правительственными структурами и организациями гражданского общества. Экономическое развитие является побочным продуктом увлекательной работы предпринимательского университета. Но по большей части деятельность по созданию предприятий не входит в его функции.

Каковы же тогда базовые характеристики предпринимательского университета?

Во-первых, такой университет признает **значение социально-гуманитарных наук для инноваций**, которые должны способствовать решению глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Понимание человеческой психологии, законов функционирования общества, специфики социальных отношений, взаимосвязи экономики и политики является жизненно необходимым для достижения коммерческого успеха в современных условиях.

Во-вторых, предпринимательский университет концентрирует свое внимание на решении **крупных проблем**. Имея в своем распоряжении большие финансовые и интеллектуальные ресурсы, высокий уровень ожидания от спонсоров и учредителей, поколение студентов, стремящихся изменить мир, предпринимательский университет, естественно, привержен анализу и решению больших, сложных социальных проблем и стремится вовлечь в поиск их решения общество в целом. Предпринимательский подход в данном случае выражается в том, что эти проблемы рассматриваются в качестве возможностей для развития самого университетского сообщества. Такая сконцентрированность на проблеме имеет ряд преимуществ. Она способствует:

- объединению энергии студентов, преподавателей и выпускников вокруг миссии, которая соответствует их ценностям и идеям, представлениям о природе университета;

- формированию мультидисциплинарных команд, которые работают на приращение интеллектуального потенциала всего университета в целом;

- соединению академического сообщества с внешним по отношению к нему миром, поскольку решение крупных проблем невозможно без взаимодействия с той средой, где они и существуют, и эта связь стимулирует процесс совершенствования функционирования вуза. В частности, она заставляет студентов и преподавателей выйти из своей «зоны комфорта», подталкивая их к установлению новых профессиональных отношений, как внутри, так и за границами университетского сообщества.

Особое значение имеет отбор тем для соответствующего исследования. Будучи предметом горячих дискуссий, этот выбор должен базироваться на принципе максимального использования сравнительных преимуществ конкретного университета.

В-третьих, предпринимательский университет ценит **инновации и их реализацию на практике**. В связи с сокращением исследовательских лабораторий крупных корпораций и бюджетного ограничения процесса роста правительственных исследовательских институтов именно университеты становятся главным источником различного рода социальных инноваций. Предпринимательский университет должен быть готов к реагированию на этот вызов. Когда исследовательский университет берет на вооружение предпринимательский подход, инновация становится правилом, а не исключением. Однако инновация без воплощения ее в практическую жизнь не имеет смысла. В то же время университетские сообщества чувствуют себя некомфортно в ситуации необходимости каждодневной работы по «пробиванию» своих идей, необходимому для превращения инновации в реальность. Культура предпринимательского университета способствует достижению более высокой результативности инновационной деятельности. В ее рамках приветствуется объективное измерение результатов и стандартов, нацеленное на постоянное улучшение. В частности, осознается тот факт, что даже, на первый взгляд, незначительное изменение в учебных планах может привести к серьезному инновационному эффекту.

В-четвертых, предпринимательский университет признает **приоритет культуры над структурой**. Когда вуз ориентируется на решение важных социетальных проблем, объем и сложность стоящих перед ним в связи с этим задач отодвигают на задний план вопрос о приоритете того или иного структурного подразделения или конкретного сотрудника. Однако, как показывает практика, в обычных вузах и других подобного рода крупных институтах организационные приоритеты и признание индивидуальных заслуг нередко играют большую роль, чем собственно решение проблемы. Так, например, это выражается в нежелании делиться с другими подразделениями полученной информацией и/или результатами научной

работы. В предпринимательском университете меньше времени тратится на разработку новых программ, институтов и департаментов и главное внимание уделяется созданию такой внутренней и внешней среды, которая максимально благоприятствовала бы решению проблем, поощряла бы готовность идти на риск и признавала бы право на ошибки и неудачи как составную часть образовательного процесса. Культура, которая фокусируется на крупных проблемах, не терпит бюрократии и временных проволочек. Вместо этого все стороны начинают стремиться к «культуре развития» через компромисс.

В результате именно предпринимательский университет создает наиболее благоприятные условия для обеспечения партнерских отношений между академическим сообществом и бизнесом. Как показывает опыт многих университетов, его результаты могут превзойти любые ожидания в этой сфере. Так, в США ряд ведущих университетов были основаны именно благодаря такому партнерству. Как правило, совместно созданные учебные программы значительно превосходят по своему качеству и получаемому результату программы, являющиеся продуктом деятельности лишь одной из сторон.

Способствуя гармонизации отношений между вузами и бизнесом, улучшению имиджа обеих сторон, повышению их инвестиционной привлекательности, а соответственно, и конкурентоспособности в рыночной среде, именно предпринимательские университеты обладают реальными возможностями решения таких проблем, как:

- несоответствие потребностей бизнеса миссии и стратегии университетов;
- несовпадение временных рамок и университетских мощностей: университет уже распределил собственные ресурсы и не имеет возможности быстрого их перераспределения в соответствии с требованиями бизнеса;
- несоответствие возможностей: университет не располагает необходимыми специалистами и/или материальной базой для выполнения соответствующего заказа со стороны бизнес-структур;
- бюрократизация: в тех случаях, когда университету необходимо получить дополнительное финансирование, его заявки могут рассматриваться достаточно долго, что опять же вступает в противоречие со сроками, устанавливаемыми бизнес-партнерами;
- финансовые ограничения: университет не в состоянии выполнить заказ за ту цену, которую предлагает бизнес;
- устойчивость: инвестиции, требуемые университетом для обеспечения предоставления определенной услуги, не соответствуют периоду окупаемости, который устраивал бы бизнес;
- несовпадение ожиданий и целей (различие ожидаемых результатов) соглашения по вопросу будущего интеллектуальной собственности.

Таким образом, становление и развитие предпринимательских университетов дает, на наш взгляд, реальную возможность сформировать оптимальную модель партнерских отношений с бизнесом, что является не просто одним из конкурентных преимуществ вуза, но и необходимым фактором его выживания в условиях нарастания угроз и вызовов со стороны глобализирующейся внешней среды. В то же время важно помнить о предостережении, четко сформулированном во «Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры»: «... перед самым высшим образованием встают грандиозные задачи, требующие его самого радикального преобразования и обновления, подвергать которым его еще никогда не приходилось, с тем чтобы наше общество, которое ныне переживает глубокий кризис ценностей, могло выйти за рамки чисто экономических соображений и воспринять более глубокие аспекты нравственности и духовности». [7]

В связи с этим необходимо обратить особое внимание на одно из наиболее заметных и при этом спорных проявлений качественных изменений в положении университетов, каковым является повсеместная увлеченность различными международными рейтингами, стремление попасть в своего рода новую «Лигу плюща». В тех случаях, когда их результаты благоприятны для конкретного университета или страны, их начинают широко использовать в пропагандистских целях, а также для лоббирования в вопросе о дополнительном финансировании. Однако, как справедливо, на наш взгляд, отмечает британский исследователь С. Коллини, на самом деле они бесполезны. [8]

Во-первых, по целому ряду важнейших параметров деятельности университетов нет сколько-нибудь проверенных и точных данных, которые можно было бы использовать для сравнения. Так, субъективные опросы «удовлетворенности студентов» дают мало информации, которую можно было бы считать достоверной и полезной. Во-вторых, в рейтингах главным параметром являются научные достижения вузов, т.е. в тех случаях, когда, как в России, системы науки и высшего образования не соединены в единое целое, университеты заведомо оказываются в проигрышном положении. Весьма показательным в этом отношении является один из авторитетнейших в мире так называемый Шанхайский рейтинг. Этот Академический рейтинг университетов мира (*The Academic Ranking of World Universities*) напрямую ориентирован на оценку научного превосходства 500 ведущих университетов мира и публикуется ежегодно начиная с 2003 года. [9] В его основе шесть объективных показателей, включая количество: выпускников и сотрудников, награжденных Нобелевской или Филдсовской премией; часто цитируемых ученых; статей, опубликованных в журналах *Nature* и *Science*, и прочие объективные показатели. Ежегодно в рейтинге оцениваются более 1 200 университетов и отбираются 500 лучших из них. Тройку лидеров в 2015 г. составили старейшие американские вузы: Гарвард (1636), Стэнфорд (1891), Массачусетский технологический институт (1861).

Проблема заключается в том, что в подобного рода рейтингах непропорционально большое внимание уделено «большой науке», притом, как правило, англоязычной и относящейся почти исключительно к сфере математического и естественнонаучного знания. В результате решающим становится то, сколько денег тратится на исследовательские проекты в различных университетах, и это выдается за свидетельство превосходства одного университета над другим.

Увлеченность рейтингами связана, на наш взгляд, с двумя взаимосвязанными моментами в ведущихся по всему миру дискуссиях о роли университетов в условиях глобализации и «экономики знаний». Во-первых, это поверхностное суждение о том, что университеты сражаются друг с другом в рамках определенной формы мировой конкуренции, что, в свою очередь, является следствием широко распространенного утверждения о главенстве цели достижения конкурентоспособности национальной экономики. Сам употребляемый здесь язык свидетельствует о меркантильном подходе к интеллекту, страхе «утечки мозгов», возможном интеллектуальном опустошении страны вследствие более быстрого и эффективного развития других государств. Интересно, что такой подход стал за последние два-три десятилетия доминирующим в публичном дискурсе, и это несмотря на то, что науке и образованию внутренне присущ дух корпоративизма и сотрудничества, обмена достижениями и опытом успешной деятельности.

Во-вторых, необходимо отметить растущее недоверие к рациональной аргументации, часто рассматриваемой в качестве завесы для групповых интересов или формы элитарного высокомерия, и замену его любого рода числовыми индикаторами, которые создают видимость объективности и в соединении с идеей конкуренции могут лечь в основу рейтингов. В результате, как отмечает С. Коллини, сегодняшнее руководство университетов «следит за рейтингами так же пристально, как футбольные менеджеры за таблицей командных соревнований, а само “турнирное” положение часто служит оправданием изменений политики». [10]

Не случайно в ряде стран органы государственной власти объявляют чуть ли не главной целью государственной политики в сфере высшего образования попадание «своих» университетов в рейтинг, создание условий (в том числе – финансовых) для их равной конкуренции с американскими «тяжеловесами». И опять же речь идет прежде всего о научных исследованиях в области биологии, физики, медицины и т.п., что и определяет инвестирование именно в эти сферы. В результате многие параметры, по которым университет может представлять собой ценность для общества и играть важную роль в интеллектуальной жизни страны, игнорируются. Так, в Великобритании основные споры ведутся по поводу того, насколько Оксфорд и Кембридж могут на равных «соперничать» с Гарвардом и Стенфордом. [11] Вопрос же, насколько университетская система отвечает потребностям общественного развития конкретной страны,

нередко остается за скобками. Тем более, что ответ на него вряд ли возможно оформить в числовую, псевдообъективную форму.

Таким образом, современные университеты все в бóльшей степени теряют свою уникальность, которой они характеризовались на протяжении столетий, и обретают все большее сходство с другими большими организациями. Признание этого факта, на наш взгляд, требует нового осмысления роли и места университетов в национальном, региональном и глобальном социуме, определения оптимального соотношения в его рамках науки и образования, личного и общественного блага. А это, в свою очередь, делает необходимым попытаться не только спрогнозировать основные направления развития вузов, но и смоделировать их базовые характеристики. В этой связи хотелось бы обратить внимание на идеи, высказанные профессором Индийского технического института Рукмини Бхая Наир по поводу пяти идеальных моделей университета XXI века.

Первая модель – «Позитивность действия» (*The Positivity of Doing*) – строится на том, что овладение студентами теорией является лишь фундаментом для практической деятельности, которая играет ключевую роль в овладении профессией. Вторая модель – «Сообщество равных» (*The Community of Equals*) – основана на понятии равенства. Третья модель – «Интернет, или виртуальный университет» (*The Internet or Virtual University*) – ставит во главу угла технологические инновации, которые, собственно говоря, и определяют логику и характер учебного процесса. В четвертой модели идеального университета – «Дух поэта» (*The Spirit of the Poet*) – основное внимание уделяется воспитанию студентов, формированию у них таких качеств, как сострадание и сопереживание. И, наконец, пятая модель – модель «Путешествующего университета» (*The Travelling University*) – предоставляет свободу смены ролей, позиций и места нахождения студентов и преподавателей (т.е. то, что сегодня называется академической мобильностью).

Все эти модели университета будущего противопоставлены одной – «модели 0.0», ориентируясь на которую сегодня работают почти все вузы. Профессор Наир дает ей не слишком поэтичное название – «Стандартная мясорубка» (*Standard «Meat-Grinder»*), поскольку в ней совмещены все наиболее стандартные и не слишком эффективные формы управления и работы со студентами. Особо подчеркиваются присущие этой модели извечные бюрократические проблемы и неразумное решение ориентироваться главным образом на балльно-рейтинговое оценивание студентов.

В идеале университет XXI в. должен сочетать в себе базовые характеристики всех пяти моделей, а именно:

- ориентированность на практику;
- равноправие участников учебного процесса;
- высокий уровень инновационности и технологичности обучения;
- воспитание нравственности;

- неограниченность возможностей, в том числе исключение пространственных барьеров.

Использованная литература:

1. National Innovation Systems: A Comparative Analysis / R. Nelson (ed.). – Oxford: Oxford University Press, 1993.
2. Gibbons M. et al. The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. – London: SAGE Publications, 1994.
3. Clark B. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Issues in Higher Education. – Oxford: Pergamon/Elsevier Science, 1998.
4. Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. – London: Routledge, 2008.
5. Шумпетер И.А. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1983. – С.159.
6. Thorp H., Goldstein B. Engines of Innovation: The Entrepreneurial University in the Twenty-First Century. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010.
7. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (Париж, 5–9 октября 1998 г.). – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1496
8. Collini S. What Are Universities For? – L.: Penguin, 2012. – P.17.
9. Шанхайский рейтинг – 2015: российских вузов всего два. РИА Новости. – URL: http://ria.ru/abitura_world/20150815/1183702875.html#ixzz40oAyKwPq.
10. Collini S. What Are Universities For? – L.: Penguin, 2012. – P.18.
11. См., напр.: Bradwell P. The Edgeless University: Why Higher Education Must Embrace Technology. – London: Demos, 2009; Brennan J., King R., Lebeau Y. The Role of Universities in the Transformation of Society: An international research report. – London: ACU and CHERI, Open University, 2004; Enders J., File J., Huisman J. and Westerheijden D. (eds.) The European Higher Education and Research Landscape 2020: Scenarios and Strategic Debates. – Enschede: CFIEPS, 2005; O'Byrne D., Bond C. Back to the Future: The Idea of a University Revisited // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2014. – № 36(6). – P.571–584.
12. Мардонов Р.С. Роль образования в ускорении социальноэкономического роста страны. - Электронное научно-практическое издание “Экономика и социум”. Выпуск №11(78) (ноябрь, 2020). Сайт: <http://www.iupr.ru>. – Саратов: Институт управления и социальноэкономического развития, 2020. – С.868-876
13. Mardonov R. Philosophical problems of modern education. - ACADEMICIA. An International Multidisciplinary Research Journal (Double

Blind Ref ereed & Peer Reviewed Journal). ISSN: 2249- 7137 Vol. 10 Issue 12, December 2020, pp. 249-255

14. Mardonov R. Eastern Philosophy Of Education And Educational Policy: Features And Priorities. - The American Journal of Social Science and Education Innovations (ISSN – 2689- 100x) Published: February 28, 2021 | Pages: 288-294

15. Mardonov R. Historical and philosophical analysis of Eastern and Western education systems. International Journal For Advanced Research In Science & Technology / A peer reviewed international journal. www.ijarst.in – Volume 11, Issue 02, Feb. 2021, pp. 252-256.

16. Мардонов Р.С. Особенности современной западной философии образования. - “Фалсафа ва хаёт” / Халқаро журнал, №SI-2 | 2020. – Тошкент, 2020. - 200-207 бетлар.

17. Мардонов Р.С. Фарба таълим фалсафасининг янги билим соҳаси сифатида шаклланиши // Журнал: “Илм сарчашмалари” – 2021, №3. – Урганч, 2021. – 20-27 бетлар.

18. Mardonov R. Higher education in the context of human rights and freedoms // International Scientific Journal Theoretical & Applied Science. pISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online) Year: 2021 Issue: 10 Volume: 102, 09 (101), p. 577-582.

